

О том, как солдат дал «пощечину» офицеру и его за это расстреляли, уже много рассказано, написано и даже снят художественный фильм. Я постараюсь не повторяться, а рассказать о тех немногих моментах того дела, которые до сей поры многим были малоизвестны или неизвестны вовсе, и о том, как сложилась судьба всех участников той драмы.

1 сентября 1865 года 65 пехотный Московский полк из Москвы прибыл в город Венев Тульской губернии. Распоряжением командующего Московским военным округом Гильденштуббе от 15 апреля 1865 года командиром полка был назначен полковник ЮнОша Петр Алексеевич (в произношении его фамилии ударение делается на букву «о»), и уже 7 мая ЮнОша прибыл в Венев. «Не успел новый командир еще хорошо познакомиться со своей частью, как начались различные командировки. 26 мая по распоряже-

нию начальства 3-й батальон майора Петрова выступил в село Лопатково Тульской губернии (здесь, видимо, имеется в виду село Лапотково. Г. М.) для конвоирования арестантов гражданского ведомства на работах южной железной дороги. 5 июля команда в 48 человек с прапорщиком Галузиным отправлена была на укомплектование вновь формирувавшихся тогда восточно-сибирских батальонов. 17 июля согласно предписания начальника дивизии 1-й батальон майора Граббе выступил в Тулу для содержания караулов, а 2-й батальон майора Крушевского на станцию Ясенки для конвоирования арестантов на работах южной железной дороги. Вернулись 1-й и 2-й батальоны в Венев только 30 октября 1865 года. Пополнение полка в эти последние

два года производилось, во-первых, людьми из губернских батальонов, которые по случаю реформирования оказались сверхштатными; во-вторых, неспособными для службы в кадровых батальонах и, в-третьих, осужденными за преступления при Московском ордонансгаузе. К тому же расквартирование полка было чрезвычайно разбросано, а гражданское начальство, соблюдая интересы земства, часто отказывало в отводе помещений для занятий; в силу чего не было никакой возможности принять меры к поднятию воинского образования полка. Эти обстоятельства были причиной не совсем удовлетворительного нравственного состояния нижних чинов и, хотя крупных преступлений за это время не было, зато мелкие повторялись постоянно. Так, число штрафованных нижних чинов к 1 января 1866 года составляло 11-ю часть всего полка, бежавших нижних чинов было 44 человека. Даже наружный вид полка был едва посредственный, причем, много красило его обязательное ношение бакенбардов, постоянно подтверждаемое начальником дивизии. Что касается до состава офицеров, то по образованию к 1 января 1866 года состояло: из военной академии — 1 человек; кадетских корпусов — 17; кончивших курс в гражданских высших учебных заведениях — 4; в гимназиях и семинариях — 13; в юнкерских училищах и дивизионных школах — 21; не имеющих никакого образования — 7 человек. Из числа 63 офицеров полка 13 человек были женатых и 50 холостых».¹

Итак, что представлял собой 65 пехотный Московский полк на 1-е января 1866 года. 11-я часть нижних чинов полка были судимы, еще 50 человек были наказаны в дисциплинарном порядке, 44 находились в бегах. Служебная подготовка, дисциплина и морально-нравственное состояние желали иметь лучшего. Можно еще предположить, какую жизнь вели офицеры-холостяки, по возрасту, видимо, молодые люди, в свободные от службы вечера — вино, игра в карты и барышни-крестьянки. К тому же, подразделения полка были дислоцированы в разных местах губернии, и к ним с проверкой на лошадях в одночасье не доберешься. Да еще висит груз ответственности за конвоирование и охрану арестантов. Не приведи Бог командовать таким полком! Полковник Юноша полком командовал умело, и полк выполнял возложенные на него непростые задачи. С началом нового 1866 года полк продолжал нести тяжелую конвойную службу. «21 марта, для принятия арестантов из города Серпухова, был назначен только один 3-й батальон. Для этого предписано было всему батальону, со всеми ротными вещами собраться в Венева. Здесь были выбраны самые лучшие, опытные и надежные люди для составления конвоя. В каждой роте 30—40 человек с 3-мя унтер-офицерами и с ротным командиром. Оставив всех остальных в Веневе, выбранные отправились по назначению и приняли в Серпухове: 3-я рота штабс-капитана Зарембо — 2-ю московскую арестантскую роту; 10-я рота штабс-капитана Гамзагурдия — 1-ю московскую арестантскую роту; 11-я рота штабс-капитана Кунцевича — ярославскую арестантскую роту; 12-я рота поручика Карпова — владимирскую арестантскую роту. (Каждая арестантская рота была составом в 250 человек). Приняв арестантов, роты повели их на станцию Ясенки Крапивенского уезда на строительство южной железной дороги. На линии строящейся железной дороги арестанты были размещены в выстроенных для них бараках, а Московский полк в ближайших деревнях, лежащих вдоль этой же линии; при этом полк состоял в распоряжении инспектора гражданских арестантов генерал-майора Штемпеля. Здесь служба была весьма тяжела; приходилось каждому нижнему чину быть через день или в конвое во время работы, для чего по всему пространству выставлялась цепь часовых, или в караул, выставляемом при бараках».²

Здесь под словосочетанием «станция Ясенки», безусловно, имелась в виду станция почтовая, железная дорога только строилась. В то же время из места своей постоянной дислокации из Венева в Ясенки прибыл и штаб полка. Он разместился в Ясенках в небольшом доме местного помещика, где одновременно стоял на квартире и командир полка Юноша. В те годы в Ясенках, как мне удалось выяснить у местных

краеведов, имели свои усадьбы два помещика: Лопатин и Кулешов. Многие жители Ясенок еще и в советский период при разговорах продолжали делить Ясенки на две части — Лопатинку и Кулешовку, по названию некогда находившихся там деревень. В одном из помещичьих домов и разместился штаб 65-го пехотного Московского полка, там же снимал комнату и командир полка Юноша, но в доме какого именно помещика был расквартирован штаб и стоял на квартире Юноша, мне узнать не удалось. Единственно, что известно на сегодняшний день, в нем проходил суд над солдатом Шабуниним. «Суд был назначен на 16 июля в квартире полкового командира, занимавшего помещичий дом в деревне Ясенки».³

Вот мы и подошли к тому месту, с которого начнем вести более подробный разговор о солдате Шабунине и его «пощечине» офицеру, но уже с учетом некоторых открывшихся новых фактов. Вторая рота полка располагалась в деревне Озерки, командовал ротой капитан Ясевич. Именно он был тем единственным в полку офицером, окончившим военную академию. «Капитан Болеслав Устинович Ясевич родился 18 декабря 1837 года в дворянской семье Виленской губернии. В 1859 году он поступил юнкером во 2-е Константиновское военное училище, и по его окончании в 1860 году ему был пожалован чин прапорщика. В том же 1860 году Ясевич поступает в Михайловскую артиллерийскую академию. Спустя год его производят в подпоручики, а 30 августа 1862 года он заканчивает академию и получает право на ношение аксельбанта. 14 августа 1862 г. его производят в армейские штабс-капитаны и направляют в 3-й резервный стрелковый батальон. В октябре 1864 года Болеслав Ясевич назначается командиром роты, и приказом от 25 декабря его переводят в 65-й пехотный Московский полк. 4 марта 1865 года он прибывает к новому месту службы, а 10 июня получает чин капитана».⁴

О писаре 2-й роты рядовом Василии Шабунине сведений имеется немного, до сих пор даже неизвестно его отчество. Известно только, что его настоящая фамилия Шабунин, а не Шибунин, как это сказано во многих о нем публикациях и на его могильном памятнике. Также известно, что «на период 1866 года ему исполнилось 38 лет».⁵ Он был на 9 лет старше Ясевича. Родом Шабунин происходил из московских мещан, поступил на службу по рекрутскому набору охотником (по своей собственной воле вместо другого рекрута) в феврале 1855 года, то есть, на период 1866 года он в армии отслужил уже 11 лет. Служил писарем при канцелярии в лейб-гренадерском Екатеринославском его Величества полку, в 1863 году был произведен в унтер-офицеры. Перед хорошо знавшим грамоту унтер-офицером Шабуниним открывалась хорошая перспектива стать офицером, но он пристрастился к выпивке. А когда терпение начальства закончилось, его разжаловали в рядовые. В марте 1866 года Шабунин совершает преступление — кражу: «подвергся суду за продажу мундира, принадлежавшего рядовому Федорову, и тесака рядового Андреева с употреблением выреченных денег на пьянство и уклонение от исполнения служебных обязанностей».⁶

Шестого апреля штрафованный рядовой Шабунин был зачислен ротным писарем во 2-ю линейную роту 1-го батальона 65 пехотного Московского полка. Видимо, он — это мое личное предположение — в полк прибыл из Москвы в числе тех самых солдат, что были осуждены за преступления и содержались при Московском ордонансгаузе, о чем я говорил ранее.

Тем временем полк жил и служил по своему внутреннему распорядку: изучение общевоинских дисциплин, заступление в караул, конвоирование арестантов на строительство железной дороги. Среди арестантов были не только осужденные гражданские люди или нижние воинские чины, но и участники польского восстания 1863—1864 годов. Многие офицеры-поляки перешли на сторону восставших, среди них были и выпускники военных академий, возможно, бывших сослуживцев или просто знакомых Ясевича. Оказавшись из-за этого в непростой ситуации, капитан Ясевич избирает для себя следующую линию поведения — держит со всеми дистанцию,

живет строго по уставу, требует соблюдения устава и дисциплины от своих подчиненных. Естественно, это не нравится не только солдатам, но и офицерам его роты. «Капитан как-то сразу отделился от всех своих товарищей и стал в стороне. Он был безукоризненно вежлив со всеми, но строго ограничивал все свои сношения с начальством и товарищами одними служебными сухими отношениями. Среднего роста, сухощавый блондин, скорее даже рыжеватый, с тонкими, правильными, но такими сухими чертами лица и холодным, стальным взглядом серовато-карих глаз, Яцевич (видимо, с подачи этой публикации Овсянникова и произошло искажение фамилии Ясевич на Яцевич. Г.М.) производил какое-то неприятное впечатление. В его присутствии все как будто леденело и свертывалось. Всякий чувствовал себя как-то не по себе. На него косились — он старался этого не замечать».⁷

Итак, 1-й батальон 65 пехотного Московского полка принял конвоирование и охрану арестантов при строительстве южной железной дороги. От Ясенок до Мценска было построено 8 больших барачных для проживания в них от 300 арестантов и выше в каждом бараке. «Штаб второй роты располагался в крайне угрюмой и неприветливой деревушке Озерки, в 3—4 верстах от Ясенков. Командовал штабом молодой, только что кончивший курс в академии генштаба, капитан, поляк по фамилии Яцевич. <...>.

Батальон охранял арестантов при строительстве южной железной дороги на участке дороги в районе почтовой станции Ясенки и деревни Житовки, где располагался один из барачных польских арестантов, в количестве 400 человек⁸.

Итак, из воспоминаний Овсянникова видно, что 2-я рота дислоцировалась в деревне Озерки и занималась охраной арестантов вдоль линии на расстоянии от Ясенок до Житово. Тем временем, между свято соблюдавшим требование воинской дисциплины ротным командиром капитаном Болеславом Ясевичем и нарушителем этой самой дисциплины ротным писарем рядовым Василием Шабунинным все больше и больше осложнялись взаимоотношения. И эта друг к другу неприязнь так и не смогла разрешиться мирным путем, и в конечном итоге вылилась в трагедию. Из судебно-следственного дела № 101 по обвинению Шабунина. «Ранним утром в роте проходили строевые занятия, которые закончились в 10 часов. Шабунин отправился в соседнюю деревню и, выпив там в кабаке косушку водки, взял с собою еще полуштоф с косушкою, которые выпивал понемногу, и к 5 часам пополудни был уже пьян довольно порядочно. Во время расположения роты на станции Ясенки, Крапивенского уезда, ротный командир капитан Ясевич, придя после обеда в канцелярию вместе с фельдфебелем Бобылевым, чтобы приказать подсудимому Шабунину приготовить к батальонному ученью подробный расход по людям, снова нашел его в нетрезвом виде; почему приказал фельдфебелю посадить его в отдельное помещение и приготовить розог, имея намерение после учения наказать его; когда же капитан Ясевич вышел в сени, то подсудимый Шабунин, отправившись за ним, произнес: "За что же меня в карцер, поляцкая морда, вот я тебе дам!" и при этом ударил его рукою по лицу, отчего у Ясевича потекла из носу кровь, после чего фельдфебель и находившийся при канцелярии рядовой Степан Мясин схватили Шабунина и, по приказанию ротного командира, посадили под арест»⁹.

Согласно сведений свободной электронной энциклопедии «Википедия», косушка (косуха, сороковик) — русская единица измерения объема жидкости. Использовалась

для измерения количества вино-водочных напитков. 1 косушка = 1/4 ведра = 1/4 кружки = 1/4 штофа = 1/2 полуштофа = 1/2 водочной бутылки. Штоф, согласно все той же Википедии,— единица измерения объема жидкости. Использовалась, как правило, при измерении количества вино-водочных напитков. 1 штоф = 1/10 ведра = 10 чаркам = 1,2299 литра. Если брать во внимание бутылку объемом 0,5 литров, то в общей сложности получается, что Василий Шабунин выпил приблизительно 1 литр 150 граммов водки.

После происшествия, как теперь уже известно, капитан Ясевич на имя командира полка подал два рапорта — один о случившемся, а другой о своей болезни. Командир полка полковник Юноша прекрасно понимал, что этим чрезвычайным происшествием на полк ложится пятно позора, но преступление невозможно было скрыть, потому что солдат ударил офицера «при четырех свидетелях: фельдфебеле Бобылеве, рядовом Степане Мясине и двух хозяйках дома, где помещалась ротная канцелярия, Палагее и Анне Шептатовых»¹⁰.

Как видно из судебно-следственного дела, преступление произошло «во время расположения роты на станции Ясенки». Означает ли это, что Шабунин ударил Ясевича именно на станции Ясенки? Конечно же, нет. Здесь суд, видимо, учитывал диспозицию полкового приказа, обязывающего батальон прибыть на станцию Ясенки и, готовя судебные документы, исходил из этого приказа, особенно не вдаваясь в подробности, в какой именно деревне в это время была расквартирована 2-я рота батальона. К слову, название железнодорожной станции Ясенки в дальнейшем и произошло от названия станции почтовой, находящейся напротив нынешней железнодорожной станции Щекино. В свое время я, исследуя в ГАТО полицейские и судебные фонды, изучил прошение в суд, поданное телеграфистом станции Ясенки Пальцевым: «Сего 14 августа в 8 часов утра, проходя через шоссеюную дорогу близ станции Ясенки на почту, был встречен крестьянином Иваном Есиповым, который без всякой причины обрушился на меня потоком бранных слов при свидетелях, водолива станции Ясенки Михаила Ерошева и сторожа той же станции Степана Чубукина, живущих, как и Есипов, при вышеуказанной станции. На предложение мое Есипову быть вежливым, каковой уже позволил себе выражаться площадной бранью. Считаю себя оскорбленным, и имею честь покорнейше просить суд разобрать это дело и привлечь виновного к ответственности. Августа 14 дня 1899 года Николай Николаевич Пальцев, телеграфист станции Ясенки, живущий в станционном здании станции Ясенки Московско-Курской железной дороги». Видимо, под шоссеюной дорогой здесь подразумевалась дорога, идущая на Крапивну, ныне это улица Болдина. В те времена, как правило, на почтовых станциях отдыхали курьеры, ямщики меняли лошадей, а потому люди привыкли к такому названию как Ясенки, и давать введенной в строй железнодорожной станции иное название, чем Ясенки, было бы абсурдно.

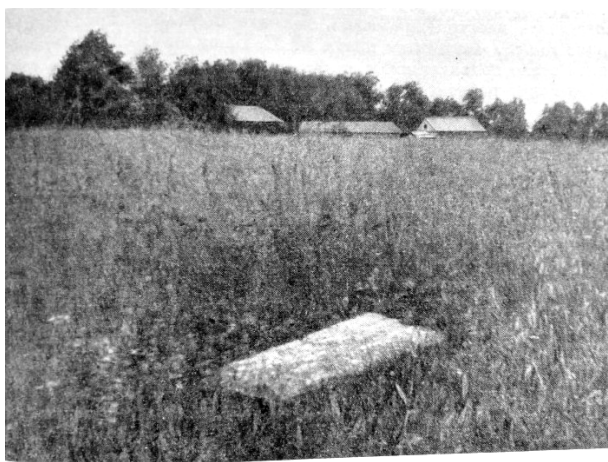
«Помню, что, приехав в деревню Озерки, где содержался подсудимый (не помню хорошенько, было ли это в особом помещении, или в том самом, в котором и совершился поступок), и войдя в кирпичную низкую избу, я был встречен маленьким скуластым, скорее толстым, чем худым, что очень редко в солдате, человеком с самым простым, не переменяющимся выражением лица»¹¹. Я специально акцентирую внимание на том моменте, что преступление Шабуниным было совершено в деревне Озерки, а не в Новой Колпне, как об этом написал в своих воспоминаниях секретарь Льва Толстого Н. Н. Гусев. «6 июня в 65-м Московском пехотном полку, расположенном неподалеку от Ясной Поляны в деревне Новая Колпна, ротный писарь Василий Шабунин ударил по лицу своего ротного командира капитана Ясевича»¹². Думаю, что граф Лев Толстой, исколесивший окрестности Ясной Поляны и побывавший фактически во всех близлежащих к Ясной Поляне деревнях, вряд ли перепутал бы название деревень. А потому я склонен более верить его воспоминаниям. Не буду описывать само преступление, о нем все давно известно до мельчайших подробно-

стей, коснусь событий дальнейших. А в дальнейшем над Шабуниным состоялся суд. Существует мнение, что военно-полевой суд состоял из трех человек, председательствовал в суде сам командир полка полковник Петр Юноша, а членами суда были два полковых офицера — подпоручик Григорий Колокольцов и прапорщик Александр Стасюлевич. При этом Юноша и Колокольцов проголосовали за смертную казнь, а Стасюлевич против, но его голос был один против двух, и участь Василия Шабунина была решена. Но это мнение не совсем верное, и вот тому подтверждение: «Я очень рад, что вы мне доставили удовольствие воскресить в памяти то, что 23 года тому назад так сильно меня волновало... признаться, у меня многое из этих подробностей стусевалось в памяти, но теперь я все припоминаю до мельчайших подробностей... даже вижу, как разместились судьи за своим столом: в середине Юноша, далее Кириллов, Колокольцев и Стасюлевич... пятого не припомню... и прокурор был, кажется, Соколов»¹³. Оказывается, в суде заседали не трое судей, как принято считать, а пятеро. Но как проголосовали те двое — Кириллов и тот, чья личность не установлена, — к сожалению, неизвестно; граф Толстой Овсянникову об этом не рассказал. Изучая списки офицеров полка, составленные штабс-капитаном Смирновым, я обратил внимание на одну из записей; в ней указано следующее: капитан барон Константин де Палемберг — ассессор в комиссии военного суда при Московском комендантском управлении; окончил 2-й кадетский корпус¹⁴. По логике, офицер, имеющий такую должность, безусловно, и должен быть членом полкового суда, но это, опять же, только предположение. Существует еще одно ошибочное мнение, что Лев Николаевич, отправляя прошение своей двоюродной тетушке графине Александре Андреевне Толстой — фрейлине русского императорского двора, — забыл указать номер полка, где произошло преступление, поэтому военный министр Дмитрий Милютин не стал рассматривать его прошение. И это мнение — авторитетное, исходящее из воспоминаний самого графа Толстого. «Я рассчитывал, что наш закон, основанный на духе милосердия, сам решит это дело в пользу Шибунина (в тексте фамилия указана именно Шибунин Г. М.), но я ошибся. Приговор, как вы знаете, был суровый — смертная казнь... Тогда я принял другие меры; но, к сожалению, они опять-таки не помогли, и здесь уже было явное нежелание тогдашнего военного министра Милютина...»¹⁵.

Как теперь выяснилось, это не так. Милютин рассмотрел прошение Толстого, даже отдал некоторые распоряжения по этому делу. Теперь тоже есть тому подтверждение, цитирую: «Нужное. Прошу доставить мне справку по делу об одном рядовом Московского или Бутырского пех. полков (не помню точно которого), ударившего по лицу своего ротного командира. Рядовой этот, в июне сего года, был предан суду по полевым законам. Приговор был представлен на конфирмацию Ген. Ад. Гильденштуббе. В чем состоит конфирмация его? Д. Милютин. 25 июля»¹⁶. Конфирмация — это утверждение приговора. Но военный министр Милютин, ознакомившись с делом, видимо, не стал вмешиваться в решение военно-полевого суда. Здесь он, может быть, уже не мог повлиять на ситуацию, так как дело было на контроле у царя; ведь не просто так на последней странице судебного-следственного дела № 101 имеется запись, сделанная Милютиным: «Доложено Его Величеству»¹⁷.

«Казнь Шабунина была назначена на утро 9 августа. Место казни было определено вблизи деревни Новая Колпна, в 22 верстах от Тулы. К назначенному времени был выведен в полном составе весь первый батальон, а из других батальонов — сводные команды, составленные преимущественно из штрафованных солдат. Шабунин в сопровождении священника, одетого в черную ризу, под конвоем был проведен мимо всего строя и остановлен в середине для выслушивания приговора. Он был совершенно спокоен и шел твердым шагом. При начале чтения приговора он несколько раз перекрестился; выслушав приговор, спокойно приложился к кресту. Ему связали руки, завязали глаза, надели саван, подвели под руки и привязали к черному столбу,

сзади которого была вырыта глубока яма. Раздался бой барабанов. Заранее назначенные 12 стрелков подошли на 15 шагов и сделали залп. Две пули попали в голову и четыре в сердце. Доктор констатировал мгновенную смерть. Некоторые женщины безутешно рыдали, другие падали в обморок. Ветки быстро обрубили и еще теплый труп столкнули в яму, которую тут же засыпали землей. Через десять минут убрали столб. Войска, перестроившиеся к церемониальному маршу, по отвратительному ритуалу того времени, с музыкой прошли мимо ямы и были распущены по квартирам»¹⁸.

Могила солдата Шабунина близ деревни Ясенки.
С фотографии.

Бытует мнение, что Шабунина перезахоронили в ограде братской могилы на улице Льва Толстого в Щекино. По крайней мере, так указано в свободной электронной энциклопедии «Вики Щекино». Не в обиду будет сказано авторам и составителям этой энциклопедии, в ней в сведениях о Шабунине указано много неточностей: искажена его фамилия, написано выдуманное отчество (Николаевич), которое не указано нигде, даже в его судебно-следственном деле, неверно указан его возраст и, естественно, якобы, имевший место факт перезахоронения. Видимо, это мнение с перезахоронением сложилось из-за имеющейся фотографии могильного холмика с надписью: «Могила солдата Шабунина близ деревни Ясенки». Все правильно написано под фотографией. Место казни и захоронения Шабунина находится примерно на одинаковом расстоянии между бывшими деревнями Новая Колпна и Ясенки, теперь это соответственно улицы Советская и часть улицы Болдина города Щекино. Вряд ли истлевший за почти столетие прах Шабунина в советское время подвергли процедуре перезахоронения. Без всяких сомнений он был расстрелян и погребен на том самом месте, где находится и всегда находилась его могила. Еще один интересный факт: из двенадцати стрелявших в Шабунина солдат попали шестеро, остальные шестеро либо промахнулись, либо специально выстрелили мимо него. Это наводит на определенные размышления: либо у солдат была плохая воинская подготовка, либо они специально выстрелили мимо. Я склоняюсь ко второй версии, потому что с 15-и шагов не попасть в ростовую фигуру человека, к тому же стоящего неподвижно, просто невозможно. А если солдаты специально выстрелили мимо, то это ни что иное, как негласный вызов и сопротивление. Сопротивление приказам командиров и вызов существующей власти в виде суда, пусть и военно-полевого. Значит, солдаты уже морально были готовы повернуть оружие не только против своих командиров, но и против существующего государственного строя. Как жаль, что мы никогда и ни из каких архивов не узнаем фамилии тех шестерых, которые каждый в отдельности не захотели стать палачами.

Однако казнь Шабунина в моральном плане повлияла не только на выстреливших мимо солдат, но и на самого графа Толстого. «Случай этот имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неуспехи в литературе, даже потери близких людей», — впоследствии скажет он своему биографу Павлу Бирюкову.

В октябре 1866 года работы по строительству железной дороги были прекращены

из-за наступившей непогоды и начавшейся распутицы. Первым снялся 1-й батальон и отконвоировал часть арестованных в Тулу. «19 октября 1866 года возвратился со станции Ясенки 3-й батальон и полковой штаб прямо в г. Венев; 2-й батальон оставался при арестантах, помещавшихся в барাকে № 4 еще некоторое время и только в ноябре месяце возвратился в свои зимние квартиры. Трудная конвойная служба этого года была причиною того, что из полка бежало 52 человека нижних чинов»¹⁹. В 1870 году 65 пехотный Московский полк ушел к новому месту постоянной дислокации в город Калугу, навсегда покинув Тульскую губернию.

Вот теперь мы и подошли к тому моменту, о чем я и хотел рассказать в этой статье, — о дальнейшей судьбе участников этой драмы. А судьба их не проста и во многом трагична. Начну с голосовавшего против смертной казни Шабунина Александра Стасюлевича.

Лев Толстой с Александром Стасюлевичем был знаком еще до этого трагического случая. Они встретились во время Кавказской войны. Их встрече предшествовало знакомство Льва Николаевича с его старшим братом — Матвеем Матвеевичем Стасюлевичем, петербуржцем и дворянином, главным редактором журнала «Вестник Европы». Александр Матвеевич Стасюлевич отчасти послужил прообразом главного героя рассказа Льва Толстого «Разжалованный». И когда летом 1866 года к графу в Ясную Поляну приехал Стасюлевич просить его выступить на суде защитником солдата Шабунина, Толстой узнал его и согласился. Кстати, вместе со Стасюлевичем к Толстому приезжал Григорий Колокольцов; затем Колокольцов вместе с Толстым ездил в Озерки к арестованному Шабунину. Почему же он на суде проголосовал за расстрел Шабунина, для меня остается загадкой. Видимо, по молодости находился под влиянием командира полка Юноши. А Стасюлевич имел свое мнение, он был в более зрелом возрасте и уже был «бит жизнью». «Стасюлевич — Александр Матвеевич Стасюлевич (р. ок. 1830, ум. 1867), брат редактора-издателя «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича, подпоручик Эриванского полка. 18 августа 1852 г. «за неодобрительное поведение и разные противозаконные поступки по отправлению должности караульного офицера разжалован в рядовые с лишением дворянства»²⁰. Юноша и Стасюлевич вместе учились в кадетском корпусе, и после осуждения и разжалования Стасюлевича из поручиков в рядовые — в его дежурство из тюрьмы в Тифлисе (Тбилиси) совершили побег опасные преступники — полковник Юноша взял его к себе в полк рядовым. Со временем вновь присвоил ему первоначальное офицерское звание — прапорщик, а на момент 1867 года он находился в чине поручика. В том 1867 году Стасюлевича не стало. Вот как описывает его гибель штабс-капитан Смирнов. «Из более выдающихся событий этого года — это насильственная смерть подпоручика Стасюлевича, утопившегося 22 августа в р. Веневке, по случаю болезни полнокровия мозга и легких»²¹.

Кстати, штабс-капитан Смирнов в своей исторической работе постоянно отражал случаи происшествий, правонарушений и преступлений, произошедших в полку за тот или иной определенный период времени. Удивительно, почему же он не отразил случай нанесения физического оскорбления капитану Ясевичу Шабуниним?! Для меня это тоже загадка.

Проголосовавший за смертную казнь подпоручик Григорий Аполлонович Колокольцов родился в 1845 году в селе Трубетчино Пензенской губернии в дворянской семье. Его отец Аполлон Григорьевич Колокольцов и мать Мария Николаевна Колокольцова (Желтухина). В семье кроме Григория было еще четверо детей: Николай, Владимир, Елизавета и Надежда. Григорий Аполлонович окончил 2-й Московский кадетский корпус, его товарищем по кадетскому корпусу был Александр Андреевич Берс, родной брат Софьи Андреевны Толстой (Берс), жены Льва Николаевича Толстого. В 1875 году Григорий с должности полкового казначея 1-ого гусарского Его Величества наследника принца Датского полка и в чине штабс-ротмистра вышел в

отставку. После отставки какое-то время жил в Москве, навещал Толстых в Ясной поляне, а в 1880 году уехал в Пензенскую губернию, где жил в родительском имении. Григорий женился на дочери помещика Козловского уезда Тамбовской губернии Ивана Александровича Сабурова Татьяне. У них было четверо детей: Мария, Ольга, Аполлон и Вера.

В 1916 году Татьяна Ивановна умерла, а в 1918 году не стало сына Аполлона и самого Григория Аполлоновича. Одна из его дочерей, Вера, в Гражданскую войну служила сестрой милосердия в рядах Красной армии. Она вышла замуж за комиссара санчасти дивизии Красной армии К. А. Шпермана, а в 1934 году вторично вышла замуж за С.В. Писаненко. Старшая дочь Мария Григорьевна дожила до 1973 года и умерла в возрасте 80 лет²².

Ротный командир капитан Болеслав Устинович Ясевич после того трагического случая службу продолжил. В соответствии со списком офицеров полка, составленным штабс-капитаном Смирновым, в 1868 году капитан Болеслав Ясевич состоял в должности командира 7 роты. Нужно отметить, что опозоренный солдатской «пощечиной», он по службе, несмотря на окончание Академии, выше должности ротного командира так больше и не поднялся. В 1876 году 65 пехотный Московский полк готовился к военному походу; вот как об этом рассказывает штабс-капитан Смирнов: «2 ноября телеграмма начальника дивизионного штаба возвестила о мобилизации полка. Немедленно началась усиленная и спешная работа по всему полку по приведению его на военное положение. Уже 3 ноября кадры запасного батальона в составе капитана Астафьева, шт.капитанов: Прозорова и Тихоновского, поручика Януша и подпоручика Васильева с нижними чинами были отправлены к своему месту формирования в г. Рязк. <...>. 7 ноября стали прибывать партии запасных нижних чинов на укомплектование полка, и до 10 числа прибыло 4 партии, численностью 1448 человек. В это же время получено было предписание — полку 15 ноября выступить из Калуги по железной дороге на станцию Полонная (Волынской губернии) для присоединения к армии, назначенной действовать за Дунаем»²³. Каждому военному выступлению всегда сопутствует прохождение медицинской комиссии. Военные медики и выявили у капитана Ясевича серьезные проблемы со здоровьем. Обратимся к работе С. А. Экштута. «Конец Ясевича был жалок и страшен. Он год провел в военном госпитале, страдая от душевной болезни. "При поступлении в госпиталь 3 ноября 1876 года у него замечались следующие явления: взгляд был блуждающий, на вопросы отвечал сбивчиво, причем, замечено было ослабление памяти; движения были вялы и медленны, ко всему относился апатично. ...Все вышеозначенные явления указывают на существование у г. Ясевича душевной болезни, в форме слабоумия. Болезнь продолжается около двух лет, причина ее сифилис и хронический катар кишок. По своему состоянию и характеру болезнь неизлечима". В марте 1878 г. его уволили от службы с производством в чин майора и назначили пенсион в размере 210 рублей в год. Получалось менее 58 копеек в день. Это была не бедность. Это была нищета. Детей у отставного майора не было, жена, дочь отставного штабс-ротмистра, как и сам Ясевич, не имела никакого имущества. Свои дни они закончили в Рязанской губернии. Дата их смерти и место погребения неизвестны»²⁴. Вот так закончил свою службу и свой жизненный путь грамотный и некогда перспективный офицер. Ну, и у нас остается последний самый важный участник той драмы — это командир полка полковник Петр Алексеевич Юноша. Его важность, на мой взгляд, состояла в том, что он, имея власть большого воинского начальника, мог повернуть ход судебного процесса в противоположную сторону и спасти рядового Шабунина; например, направить его на принудительное лечение или отправить на каторгу и тем самым сохранить ему жизнь. Но не повернул, не отправил, не сохранил.

Петр Алексеевич Юноша происходил из потомственных дворян Уфимской губернии. Он родился в офицерской семье, и его жизненный путь был определен

изначально. Воспитанник 2-го Санкт-Петербургского кадетского корпуса, он всю свою жизнь посвятил военной службе. Прошел воинский путь от кадета до генерал-майора. «В 1873 году, в конце мая, полк выступил в лагерь под Москву. Здесь высочайшим приказом 4 июня полковник Юноша был назначен Оренбургским губернским воинским начальником, и был вскоре произведен в генерал-майоры»²⁵. «Умный, сдержанный полковник Юноша в течение всего времени командования полком в весьма трудные годы его службы успел настолько заслужить расположение всех чинов и званий, что все в нем, как говорится, души не чаяли: никого никогда не оскорбил он резким словом или возгласом, всегда и всюду являлся действительным отцом своих подчиненных, а в то же время на службе он всегда был тверд и настойчив»²⁶.

В Оренбурге Петр Алексеевич женился. Его жену звали Вера Ивановна. В 1876 году у них родился сын, названный в честь деда — Юрием. В должности губернского воинского начальника генерал-майор Петр Алексеевич Юноша прослужил шесть лет. В 1879 году его не стало. Вере Ивановне в ту пору было 25 лет. Несмотря на молодой возраст, замуж она больше не вышла, сына поднимала одна. Юрий Алексеевич, как и отец, стал военным. Он окончил Симбирский кадетский корпус, затем Михайловское высшее артиллерийское училище. После окончания училища Алексей Петрович женился. Его жена Евгения Ивановна не дворянского происхождения. От совместного брака у них родились дети — дочь Наталья и в 1909 году сын Юрий. Алексей Петрович до революции служил в артиллерийских частях, в городах Рязани, Нижнем Новгороде и Самаре. Участвовал в Японской, Первой мировой и Гражданской войнах. Трижды был ранен и четыре раза за храбрость награждался орденами, Георгиевский кавалер. В 1916 году в бою в окрестностях польского городка Дукла полковник Петр Юноша был ранен в голову и в бессознательном состоянии взят в плен. Из плена он вернулся только после революции в 1918 году, жил в своей квартире в Петрограде. В том же 1918 году добровольцем поступил на службу в отдел снабжения тяжелой артиллерии Главного артиллерийского управления Красной армии. Он — автор семи книг и большого числа статей по вопросам артиллерийской стрельбы. Изобретатель двух приборов для пристрелки орудий. С сентября 1926 года начал преподавательскую деятельность. Преподавал военные дисциплины в Ленинградском политехническом институте, Военно-морской академии, Ленинградском электромеханическом институте и Институте инженеров промышленного строительства. В 1934 году назначен начальником военно-учетной части Ленинградского индустриального института. 26 июня 1937 года уволен из института и в декабре того же 1937 года арестован по обвинению в контрреволюционной агитации среди студентов и в шпионской деятельности в пользу Германии. «17 января 1938 года внесудебно приговорен комиссией НКВД и Прокуратуры СССР по статьям 58-6-10-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 25 января 1938 года в Ленинграде. Реабилитирован посмертно решением Военного трибунала Ленинградского военного округа в 1965 году»²⁷.

После ареста и расстрела Алексея Петровича, его мама Вера Ивановна — жена бывшего командира 65 пехотного Московского полка Петра Алексеевича Юноши — стала жить со снохой Евгенией Ивановной, внучкой Натальей Предтеченской и правнучками Ириной, Еленой и Татьяной. Вскоре беда настигла и сноху. Евгения Ивановна, как жена врага народа, была подвергнута административной ссылке в город

Устюжна Вологодской области. В 1939 году ей было разрешено вернуться в Ленинград. Во время Великой Отечественной войны на ленинградцев выпало трудное бремя. Не обошло оно стороной и потомков Петра Алексеевича Юноши. Вот как рассказывает о том трагическом времени его правнучка, жительница Санкт-Петербурга Ирина Георгиевна Лицкевич, пережившая блокаду Ленинграда и голод, цитирую: «Во время Отечественной войны трудная судьба выпала на долю дедушкиной мамы Веры Ивановны Юноша, дедушкиной жены, их детей Натальи и Юрия, внучек Ирины, Елены и родившейся в марте 1939 г. Татьяны. Дядя Юра был эвакуирован с заводом «Светлана», а нам досталась первая, самая трудная, блокадная зима. Первой погибла от голода, холода и болезней прабабушка Вера в январе 1942 г., а второй — бабушка Женя, в феврале того же года. Прабабушку Веру мама отвезла на санках, завернутую в простыню, на Серафимовское кладбище в общую могилу. Был сильный мороз, а народу умирало очень много, всех складывали, не записывая и не зарывая, просто забрасывали снегом. И только весной всех похоронили, конечно, без всяких обрядов и свечей, поставив общий памятник. Бабушку Женю мама отвезла тоже на санках на Богословское кладбище и похоронила в отдельной могиле. Оставшаяся часть нашей семьи была принудительно отправлена в августе 1942 г. в Башкирию. Мы вернулись из эвакуации к началу учебного года в конце августа 1944 года»²⁸.

Когда Лев Николаевич Толстой во время суда над Шабуниным понял, что не сможет спасти его, он заплакал. И эти его слезы были не результатом своего судебного поражения, а причиной того, что он прекрасно понимал, что Шабунин был душевно болен, а судить, и тем более казнить душевно больного человека, — это не только не по-закону, но и не по-христиански. Понимал ли это полковник Юноша? Возможно, что понимал, он же был не глупым человеком. А если это так, то он находился в еще более худшем положении, чем граф Толстой. Не наказать преступника — это равносильно отдать на поругание своего подчиненного капитана, фактически дать ему еще одну пощечину. Наказать, а тем более казнить больного человека — это значит взять на себя большой грех. Но он, как мы уже знаем, для своих подчиненных был не только командиром, но и отцом родным. А потому он взял на себя этот грех, а за грехи родителей часто отвечают их дети. Спустя много лет его сын Алексей Петрович Юноша при расстреле испытает те же самые муки, что и Василий Шабунин. Случайность это или все же — Судьба отомстила? На этот вопрос ответ не требуется, пусть каждый останется при своем мнении. Вот, пожалуй, и все о чем мне хотелось рассказать нашим читателям, после того, как 65 пехотный Московский полк ступил за порог Крапивенского уезда Тульской губернии.

P.S. «Наступило 17 сентября. (Речь идет о 1866 годе. Г.М.) Настроение у всех и у меня было праздничное. Все мы нарядные, в легких белых платьях с цветными лентами. Обеденный стол украшен цветами, и новая терраса залита солнцем. Помню, как шумно и весело в 5 часов вечера сиделись

мы за стол. И вдруг из аллеи сада послышался оркестр. Он заиграл увертюру из оперы «Фенеллы», которую так любила Соня. Все мы, кроме Сони, знали, что Лев Николаевич просил полковника Юношу прислать оркестр, но должны были хранить это в тайне. <...> После обеда приехал кое-кто из офицеров и Стасюлевич, и затеяли танцы. Танцевали все, начиная с полковника Юноши, Льва Николаевича и Дьякова. Обе тетеньки и бедная Долли были зрителями. Все это происходило на террасе. Стасюлевич по принуждению танцевал кадрили. Красота и теплота ночи были поразительные. Мы все спускались по декоративной лестнице вниз, в аллею сада. Был ущерб луны, и она взошла лишь к 11 часам. После танцев музыкантов угостили ужином с пивом, и в первом часу ночи, заиграв марш, выступили они с офицерами в Ясенки. Все это было торжественно и красиво, как и сама полусветлая ночь, с блестящими осенними звездами»²⁹. 17 сентября — сороковой день со дня казни Василия Шабунина. В то время, как его душа, после мытарств, окончательно уходила в иные миры, все участники драмы в Озерках, позабыв о судебных разногласиях, веселились и танцевали под музыку полкового оркестра.

А 65 пехотный Московский полк еще полвека будет защищать интересы Империи. Его солдаты и офицеры проявят мужество и героизм в войнах с Турцией, Японией, Первой мировой и Гражданской войнах. А в 1918 году 17 пехотная дивизия, в составе которой находился 65 пехотный Московский полк, будет расформирована за ненадобностью. Впрочем, это уже совершенно другая история.

1. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка», стр. 479—480.
2. Там же, стр. 480—481.
3. Н. Н. Гусев. «История одного поражения. Лев Толстой и казнь рядового солдата Василия Шабунина. Эпизод 1866 г.», М, 1957 г.
4. РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Оп. 12. Д. 5420. Л. 17. С. А. Экштут «Казнь рядового Шабунина. Почему деятели культуры — от Льва Толстого до сегодняшних режиссеров — сделали из пьяного преступника жертву режима», журнал «Родина» 01.03.20 г. (электронная версия).
5. С. А. Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия. РГВИА, Ф. 801, оп. 92/37, д. 101. Св. 1549, 1866 г. стр. 12.
6. Там же.
7. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого», издание «Посредника», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 17.
8. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого», издание «Посредника», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 8.
9. С. А. Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия; РГВИА Ф. 801. Главное военно-судное управление. Оп. 92/37. Д. 101. Св. 1549. 1866 г., стр. 14.
10. Там же.
11. П. И Бирюков. «Лев Николаевич Толстой. Биография», изд. «Посредник», М. 1908, том 2, стр. 94.
12. Н. Н. Гусев. «История одного поражения. Лев Толстой и казнь рядового солдата Василия Шабунина. Эпизод 1866 г.», М, 1957 г.
13. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л.Н. Толстого», издание «Посредника», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 2.
14. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка»; «Список штаб и обер-офицеров полка к 06.05.1868 г», Приложение № 25.
15. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого», издание «Посредник», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 2.

16. С. А. Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия; РГВИА Ф. 801. Главное военно-судное управление. Оп. 92/37. Д. 101. Св. 1549. 1866 г., стр. 9.

17. С. А. Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия; РГВИА Ф. 801. Главное военно-судное управление. Оп. 92/37. Д. 101. Св. 1549. 1866 г., стр. 16.

18. Н. П. Овсянников. «Эпизод из жизни Л. Н. Толстого», издание «Посредник», 1036; Типография «Русского Товарищества», М, 1912 г. Стр. 71.

19. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка»; «Дела полкового архива», Примечание. Глава XLVII, п. 6.

20. П. О. Бобровский. История 13-го лейб-гренадерского Эриванского его величества полка за 250 лет (1642—1892), СПб. 1892—1897, т. VI, стр. 354.

21. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка». Стр. 482.

22. Сведения почерпнуты из открытых источников интернета.

23. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка». Стр. 490—491.

24. С. А. Экштут. «Казнь рядового Шабунина», журнал «Родина» 1 марта 2020 г., электронная версия. РГВИА, Ф. 400, оп. 12, д. 5420, стр. 3, 11.

25. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка». Стр. 486.

26. Я. С. Смирнов. «История 65 пехотного Московского Его Императорского высочества государя наследника цесаревича полка». Стр. 485.

27. Материал почерпнут из свободной электронной энциклопедии «Википедия».

28. Воспоминание И. Г. Лицкевич, г. Санкт-Петербург. Сведения почерпнуты из открытых источников интернета.

29. Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Ч. III. Гл. XVIII. Тула. 1964. Стр. 412.

На фото:

Нижние чины с нагрудными знаками 65 пехотного Московского полка;

Обложка судебного-следственного дела рядового Шабунина;

Могила солдата Шабунина;

Алексей Петрович Юноша;

Могила солдата Шабунина в наши дни.

Фотографии взяты из открытых источников интернета.

